

Наоборот, в сознании передовых людей 30-х годов вставал новый вопрос: явилась ли участь декабристов результатом божественного предопределения или причины их поражения таились в чем-то ином? Проблема существования предопределения по-прежнему оставалась ключом к вопросу о возможности дальнейших действий.

И потому особо знаменательны печоринские слова, заключающие его размышления о фатализме: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив...» (стр. 117—118).

Итак, сомнение, а не вера,— вот принцип, провозглашенный Печориным.

И. Андронников пишет, что для членов «кружка шестнадцати», к которому принадлежал Лермонтов, был «характерен острый интерес к Востоку и тот фатализм, который определял поведение некоторых членов кружка в боях, их демонстративное презрение к жизни»⁹.

Не явилось ли и создание Лермонтовым «Фаталиста» результатом горячих споров в «кружке шестнадцати», не была ли лермонтовская повесть своеобразным ответом товарищам по кружку?

Так или иначе, но повестью «Фаталист» Лермонтов сделал попытку художественного воплощения важнейшей для русского общества того времени проблемы. Мы не знаем, в какой мере был он знаком с историко-философскими трудами декабристов, но, отстаивая принцип активного отношения к жизни, он, по сути, солидаризировался с их позицией в этом вопросе. И будучи выражением авторского отношения к действительности, к миру, к месту, которое занимает человек в этом мире, «Фаталист» явился достойным эпилогом лермонтовского романа.

Н. В. Фридман

✱

Влияние «Медного всадника» Пушкина в «Шинели» Гоголя

Одна из наиболее важных тем «Петербургских повестей» Гоголя — трагическое противоречие действительности и мечты, данного и должного. Это прежде всего противоречие между

⁹ И. Андронников. Еще об одной тайне Лермонтова.— «Неделя», 1965, № 26, стр. 3.

желаниями «маленького человека» и невозможностью их реального осуществления в условиях городской жизни с ее социальным неравенством и губительной властью денег. «Маленький человек» осужден вечно стремиться, ничего не достигая, вечно желать, оставаясь все в том же бедственном положении. В такой трактовке несоответствия действительности и мечты много общего с ее интерпретацией у Пушкина. Это становится ясным при сопоставлении «Медного всадника» и «Шинели».

Острый трагизм судьбы пушкинского Евгения состоит в беспощадном разрушении жизнью его мечты о личном семейном счастье в «смиренном приюте». Пушкин проводит эту мысль через всю поэму и прямо говорит о мечте Евгения, повторяя и варьируя это слово:

Евгений тут вздохнул сердечно
И *размечтался*, как поэт...

· · · · ·
Так он *мечтал*. И грустно было
Ему в ту ночь...

Высшего напряжения этот мотив мечты достигает в том эпизоде поэмы, где Евгений во время наводнения живо представляет себе гибель «ветхого» домика и его обитателей и понимает, что действительность уничтожила все его надежды. Отчаяние заставляет Евгения перенести противоречие действительности и мечты из сферы личной судьбы в плоскость общих вопросов о смысле и цели человеческой жизни. Таковы мысли Евгения о гнущем «ветхом» домике:

...там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его *мечта*... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

На том же типе противоречия действительности и мечты (я не касаюсь тут различий) строится сюжет «Шинели». Предмет мечты здесь, так же как в «Медном всаднике», относится к области быта «маленького человека», скромность этого предмета отражает жизненную непритязательность героя. Таким предметом становится для Акакия Акакиевича новая шинель. Мечта о ней преображает Акакия Акакиевича, и он становится менее безличным и робким. И когда мечта осуществляется, Акакий Акакиевич чувствует себя совершенно счастливым. Именно потому так трагична для Акакия Акакиевича его потеря, что он расстанется не только с шинелью, но и с мечтой о «приличном» человеческом существовании. И всего замечательнее, что, рассказав о смерти «маленького человека», Гоголь вводит именно мотив гибели мечты, называя Акакия Акакиевича беззащитным «суще-

ством», «для которого все-таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул *светлый гость* в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира».

Рисуя крушение мечты «маленького человека», Пушкин и Гоголь наполняют включающие эту тему произведения высокой и благородной человечностью. В «Медном всаднике» чисто пушкински, предельно скупыми средствами подчеркнута жалость автора к Евгению с его неосуществленной мечтой о личном счастье. Пушкин прочно «прикрепляет» к нему эпитет «бедный», часто повторяя его в поэме: «Он страшился, *бедный*, не за себя...», «Но *бедный*, бедный мой Евгений...»; далее Пушкин дважды называет Евгения «*бедным*» безумцем. Гоголь в «Шинели» подчеркивает беззащитность Акакия Акакиевича и в то же время осуждает обеспеченных людей, лишенных чувства сострадания. Вспомним знаменитую фразу Акакия Акакиевича: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете», — эти «проникающие слова», обращенные к издевающимся над «маленьким человеком» «приличным светским» людям. И, как у Пушкина, у Гоголя возникает эпитет «бедный». «Светлый гость в виде шинели» оживляет на миг «*бедную жизнь*» Акакия Акакиевича. «Наконец, *бедный* Акакий Акакиевич испустил дух».

В психологии «маленького человека» Пушкин и Гоголь увидели робость, сложившуюся как естественный результат воздействия городской жизни, постоянно напоминающей «маленькому человеку» о его бессилии. Но вместе с тем они с одинаковой силой подчеркнули, что в глубинах сознания «маленького человека» скрывается ощущение социальной несправедливости и дух протеста, вырывающийся наружу в моменты катастрофических душевных потрясений.

Пушкинский Евгений полон смирения. Он невысоко оценивает свои способности и в обыкновенном «смирненном» состоянии очень далек от какого-либо протеста. Он ограничивается тем, что с горечью сравнивает себя с «праздными счастливыми», баловнями судьбы из среды обеспеченных классов. Но потрясенный гибелью мечты о личном счастье, Евгений, «как обуянный силой черной», решает бросить вызов Медному Всаднику:

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..»

И хотя Евгений опять возвращается в «смирненное» состояние, его бунт в высшей степени примечателен тем более, что — по свидетельству П. П. Вяземского — в первоначальной редакции поэмы злобное проклятие Евгения было развернуто в монолог, который не мог быть напечатан по цензурным соображениям¹.

¹ П. П. Вяземский. Собрание сочинений. СПб., 1893, стр. 545—547.

Совершенно так же дан мотив бунта в «Шинели». Запуганный и приниженный Акакий Акакиевич исполнен страха перед начальством. Приходя с просьбой к значительному лицу, он «уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость» и «несколько смутился»; Акакий Акакиевич «обмирает» как только значительное лицо начинает на него кричать. Но эту «надлежащую робость» он теряет незадолго до смерти, когда находится «в бреду и жару» и ему беспрестанно представляются «явления, одно другого страннее». В состоянии болезненного возбуждения он, как и пушкинский Евгений, доходит до прямой хулы на «сильных мира сего». Временами он «даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка-хозяйка даже крестилась, от роду не слышав от него ничего подобного, тем более, что слова следовали непосредственно за словами «ваше превосходительство».

Интересно, что в «Шинели», как и в «Медном всаднике», существовал вариант, обострявший и раскрывавший протест «маленького человека» и выпущенный автором по цензурным соображениям. В первой редакции эпилога поясняется, что бредящий Акакий Акакиевич «сквернохульничал», «выражаясь совершенно извозчичьим слогом или тем, которым производят порядки на улицах, чего от роду за ним не бывало от времен самого рождения.— Я не посмотрю, что ты генерал,— вскрикивал он иногда голосом таким громким.— Я у тебя отниму шинель. Я Платону Ивановичу столоначал(ьнику) нажалуюсь (наконец)»². В этом варианте Акакий Акакиевич грозно и грубо говорил о моральной ответственности значительного лица и угрожал ему возмездием. Но и в эту минуту проявлялись забитость и социальная униженность мелкого чиновника. Акакий Акакиевич обещал пожаловаться на значительное лицо столоначальнику, так как последний был для него живым воплощением могущества (в повести читаем, что даже «какой-нибудь помощник столоначальника» поступал с Акакием Акакиевичем «холодно-деспотически»).

Но бунт «маленького человека» происходит уже на пороге его гибели. В «Медном всаднике» гибнет Евгений возле полуразрушенного домика, где он когда-то думал найти семейное счастье. И для Гоголя гибель была наиболее закономерным концом «маленького человека».

Особой заслугой Пушкина Гоголь считал верное изображение «маленького человека». Определяя «Капитанскую дочку» как «решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде», он замечал, что в этом произведении Пушкин сумел запечатлеть «простое величие простых людей»³. В Евгении из «Медного всадника» нет ничего духовно великого, но это «простой человек», и именно гениальная поэма Пушкина как бы передала

² Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 3. [Л.], 1938, Изд-во АН СССР, стр. 456.

³ Там же, т. 8, стр. 384.

Гоголю одну из необходимых для изображения такого человека жанровых разновидностей — «петербургскую повесть» — завоевание пушкинского реализма. Пушкин прямо назвал «Медного всадника» «петербургской повестью». Гоголь никогда не характеризовал так свою «Шинель», да и вообще название «Петербургские повести» принадлежит не ему. Но по существу (не говоря уже о городской тематике) «Шинель» — «петербургская повесть», теснейшим образом связанная своим реалистическим методом с «Медным всадником».

Сюжеты обоих произведений пронизаны социальными мотивами. В «Медном всаднике» одной из основных жизненных проблем для Евгения становится достижение независимости, которую он должен себе «доставить» упорным трудом. В «Шинели» главной причиной гибели Акакия Акакиевича является бедность. И трагизм этих сюжетов связан с бедственной социальной судьбой героев. В основе обоих произведений лежит неожиданное катастрофическое событие, лишаящее «маленького человека» всех его скромных достижений и надежд (гибель «ветхого» домика, кража шинели). Это событие приводит героев к сильнейшему моральному потрясению, а затем к смерти.

Такие сюжеты пронизывает у обоих писателей вполне определенная авторская оценка. В «Медном всаднике» и в «Шинели» всегда присутствует личность автора, смотрящая на события с гуманистической точки зрения и выражающая острую жалость к гибнущему «маленькому человеку». В «Медном всаднике» она яснее всего проявляет себя в эпитетах и восклицаниях (например: «Увы! Его смятенный ум! //Против ужасных потрясений// Не устоял»). В «Шинели» авторская оценка дается в более развернутых формах, воплощаясь в ряде отступлений. Гоголь от собственного лица (чего нет в «Медном всаднике») говорит о горестной судьбе такого «никем не защищенного» и «ни для кого не интересного» «существа», каким был Акакий Акакиевич.

Но сходство реалистического художественного метода идет в данном случае дальше сюжетов и авторской оценки событий. Перед Пушкиным и Гоголем вставала проблема социальной типичности. В неоконченной поэме об Езерском, тесно связанной с «Медным всадником», Пушкин замечал, что ее герой — «просто гражданин столичный, *каких встречаем всюду тьму*». И не случайно в «Медном всаднике» сказано, что Евгений «где-то служит». Пушкин не считает нужным сообщить читателю точный «адрес» службы Евгения, так как его герой ничем не выделяется из общей массы бедных чиновников.

Тот же прием находим в начале «Шинели». Гоголь рассказывает о том, что «*в одном департаменте служил один чиновник*» (сам Гоголь выделяет курсивом эти слова⁴). Точное указание

⁴ О таком же приеме типизации образа значительного лица см. в кн.: С. Машинский. Художественный мир Гоголя. М., 1971, стр. 210.

на место службы Акакия Акакиевича, заключенное в самом раннем из рукописных вариантов «Шинели» («в департаменте податей и сборов, который, впрочем, иногда называют департаментом подлостей и вздоров»⁵), Гоголь опустил, по-видимому, не только по цензурным соображениям, но и потому, что оно ослабило бы подчеркнутую типичность образа.

Все это свидетельствовало о глубоком демократизме «петербургских повестей» Пушкина и Гоголя. Демократичен и самый важный художественный элемент этих повестей — реалистическая бытопись. Оба писателя смело вводят в литературу «низкую» жизнь «маленьких людей» во всей ее бытовой правде и рисуют окружающую их среду. Недаром Гоголь находил, что в «Капитанской дочке» замечательно описана «сама крепость с единственной пушкой»⁶. В «Медном всаднике» и «Шинели» бедный непритязательный герой целиком погружен в быт. Евгений, придя домой, «встряхнул шинель»; ветхий домик его невесты окружен «некрашеным забором». Акакий Акакиевич поднимается к портному по лестнице, покрытой «водой, помоями», и видит его сидящим на «некрашеном столе».

Бытовую характерность «маленького человека» передает его живая речь. У Евгения и Акакия Акакиевича она полна просторечных оборотов и выражений. Считавший, что Пушкин «раздвинул границы» русского литературного языка⁷, Гоголь шел за своим великим учителем и в этой области. В «Медном всаднике» внутренняя речь героя, отражающая его мечты о личном счастье, включает совсем простые и даже «канцелярские» слова («Местечко получу — Параше//Препоручу хозяйству наше»). Такое же воспроизведение отнюдь не сложного языка «маленького человека» находим в «Шинели». Узость кругозора Акакия Акакиевича, целиком погруженного в свои служебные обязанности, подчеркнута приемом амплификации. Герой размышляет о том, что ему придется шить новую шинель: «Так этак-то! вот какое уж точно, никак неожиданное того...» и т. д.

В эту реалистическую бытопись в обоих произведениях вкраплены мотивы фантастики. Но и они органически входят в систему реализма, раскрывая социальную проблематику повести. В «Медном всаднике» Евгению кажется, что его «с тяжелым топотом» преследует «грозный царь». Этот фантастический эпизод, реалистически мотивированный безумием героя, нужен Пушкину для того, чтобы показать трагизм судьбы «маленького человека». Яркую социальную окраску приобретает и фантастика в «Шинели». После смерти Акакия Акакиевича появившийся на петербургских улицах чиновник-мертвец не успокаивается до тех пор, пока не снимает шинель со значительного лица. Но резко подчерк-

⁵ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 446.

⁶ Там же, т. 8, стр. 384.

⁷ Там же, стр. 50.

нув моральную ответственность последнего за гибель Акакия Акакиевича, Гоголь больше не нуждается во введенном им фантастическом образе. Чиновник-мертвец, как бы олицетворяющий возмездие, исчезает, выполнив свою роль мстителя («видно, генеральская шинель пришлось ему совершенно по плечам...»). И может быть, интереснее всего, что, как показал М. А. Цявловский в своей превосходной статье «Отголоски рассказов Пушкина в творчестве Гоголя», в этом эпизоде гоголевской повести отразились переданные Пушкиным истории «о дерзких ограблениях в центре города высокопоставленных лиц»⁸. Устный рассказ Пушкина стал основой реалистической фантастики «Шинели».

Исследователь, чисто типологически изучающий сходные темы в произведениях двух писателей, строго говоря, может не учитывать время создания этих произведений и даже «переставить» их во времени. Однако установление *влияния* «Медного всадника» на «Шинель» не чисто типологическая, но историко-литературная задача.

Г. А. Гуковский, отмечая в своей книге «Реализм Гоголя», сходство изображения Петербурга у Пушкина и Гоголя, отказался решать вопрос о том, «кто из двух гениальных людей повлиял здесь на другого и было ли здесь вообще какое-либо влияние»⁹. Этот отказ был во многом оправданным, потому что почти все «Петербургские повести» Гоголя были написаны и напечатаны в 1832—1836 гг., т. е. в пору живого общения Пушкина и Гоголя, когда оба великих писателя могли взаимно обогащать друг друга творческими идеями. Не так обстоит дело с «Медным всадником» и «Шинелью». Обращаясь к хронологии, тут легко установить именно влияние Пушкина на Гоголя.

Гоголь, жадно ловивший каждую пушкинскую строку, конечно, хорошо знал «Медного всадника», впервые напечатанного в 1837 г. в редакции Жуковского на страницах «Современника».

Между тем самый ранний рукописный набросок «Шинели» был сделан в 1839 г.¹⁰, через два года после опубликования «Медного всадника».

В этой связи нельзя не отметить, что в «Шинели» фигурирует пересказываемый чиновниками «вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента». Может быть, именно Пушкин обратил внимание Гоголя на этот «анекдот», когда в 1833 г. работал над «Медным всадником». Не был ли «анекдот» еще одним устным рассказом Пушкина, вошедшим в «Шинель» наряду с его рассказом о грабежах в центре Петербурга?

⁸ «Звенья», т. VIII, М., 1950, стр. 23.

⁹ Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. М.—Л., 1959, стр. 261.

¹⁰ См. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 676.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973